

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночью прошел дождь, и грунтовую дорогу основательно развезло. Лошадь еле тянула повозку и посуху, а тут грязь. Да еще в телеге двое упитанных мужиков. Один, который помоложе, держал в руках вожжи, второй, постарше, развалился на брезенте, брошенном на солому. Оба мужика в черной униформе, на рукавах повязки с надписью «Полиция». Рядом с ними лежали винтовки.

Старший полицейский скрутил самокрутку, набил ее махоркой, прикурил. За телегой потянулся сизый вонючий дымок.

Младший обернулся и спросил старшего:

— У тебя, Евдоким Нилыч, своя махра?

— А чего?

— Да уж слишком запах от нее терпкий. Как от костра, когда дрова жгут.

— У соседа взял, а тот, зараза, листья рубит вместе со стеблями да еще добавляет в эту смесь мелких опилок.

— Зачем? — с удивлением спросил младший полицейский.

— Затем, чтобы никто у него махорки другой раз не спрашивал.

— А как же сам?

— Ты деда Кузьму не знаешь? Для себя он хорошую махру делает, только из листьев.

— Хитрый мужик.

— Глупый он. Приютил у себя семью евреев, как будто не знает, что за ними охотятся немцы. За это и поплатится.

— Слушай, Евдоким Нилыч, а евреи, которые из райцентра сбежали, при себе поклажу немалую имели.

Старший полицей усмехнулся и спросил:

— Ты, что, Никола, видел, как они убегали?

— Нет, мне корешок Фома Болотов шепнул, что у евреев было три баула, а у мужика, главы семейства, — саквояж старый. Да не простой, на замочек закрытый.

Старший полицей деревни Лоза Горошинского района выдохнул дым, кашлянул и проговорил:

— Что-то я тебя не пойму, Никола. Ты на что намекаешь?

— Фома говорил, что этот самый Годман Иосиф Абрамович в районной больнице дантистом работал.

— И что?

— А то. Он принимал клиентов не только в больнице, но и на дому. Фома говорил, фиксы ставил. И еще золото втихаря скупал.

Старший полицей Евдоким Буганов поморщился и проговорил:

— Много знает твой Фома. И когда только успел? Его в каком году на зону определили?

— В позапрошлом. Семь лет дали. Фому немцы из лагеря выпустили.

— Вот. Он с позапрошлого года ни в районе, ни на деревне не был, а все знает. Или, может, ему сами евреи о своих делах поведали?

Шмаров шмыгнул носом и проговорил:

— Я не знаю, откуда Фома прознал про Годмана, сам навел справки. Дантист он. Жена Сара Абрамовна тоже врачиха, только по женской части. Она наверняка левые абортыв делала. А это деньги немалые. Я уж не говорю о дантисте. Ты видел, как они были одеты, когда Кузьмич их привез? Костюмы, платья дорогие у Годмана, жены и детей. Это потом Кузьма Кузьмич их передел, а когда приехали, что ты, прямо как помещики заявили в родовое гнездо.

Буганов выбросил в грязь окурок и спросил:

— Ты что, Никола, завидуешь им?

— Еще чего. Кто же мертвякам завидует?

— Они еще живы.

— Все одно мертвяки, раз вовремя не ушли на восток, хотя такая возможность у них была. Вон из Гороша сколько евреев свалило. Весь вокзал был занят ими не один день. Но ведь есть такие, которые остались, в том числе и семейка Годмана. Не пойму я этого, Евдоким Нилыч. Ведь знают, что немцы их в покое не оставят, а не уехали. Почему?

— Это ты у них спроси. Не уехали — пусть на свою тупость пеняют.

— Евдоким Нилыч, ведь немцы порешат евреев, так?

— Ну, порешат, и чего?

— В общем, каратели грохнут евреев и все их добро заберут. Я очень сомневаюсь в том, что золото и другие ценности, припрятанные Годманом, попадут в казну районной управы. Поэтому давай, как вернемся, устроим Годманам шмон. Все, конечно, забирать нельзя, возьмем половину. Думаю, нам и этого будет за глаза.

Буганов внимательно посмотрел на Шмарова и спросил:

— Ты сам надумал грабануть евреев или, может, Фома Болотов тебя на это толкает?

Шмаров сдвинул кепку на затылок и заявил:

— А если и Фома? Так даже лучше. Он грабанет, а мы его повяжем или пристрелим при попытке к бегству. И получится, Евдоким Нилыч, что бывший зэк вернулся в деревню и обобрал евреев. Допустим, я увидел его на улице с саквояжем, который он обязательно заберет, хотел задержать, а он на меня с ножом. Вот я его и прибил. Саквояж я так припрячу у себя в огороде, что никто никогда не узнает, был ли он вообще. Евреев особо спрашивать не будут. А если и допросят, то те укажут на Фому. Я же скажу, что не было при нем ничего, только нож. И добыча окажется у нас, и к грабежу мы отношения иметь не будем, напротив, завалим уголовника. Да мы даже и знать не будем, что Фома грабитель. Он просто окажется на улице с ножом и под хмельком да набросится на сотрудника полиции, за что полагается смертная казнь. Мы обязаны охранять порядок на деревне, вот и выполним

свои обязанности. Как о том думаешь, Евдоким Нилыч?

Старший полицейский усмехнулся и сказал:

— Смотрю, в глазах огонь загорелся. Ты и без меня все уже решил.

— Может, и решил, но без твоего разрешения на дело не пойду. Велишь мне выбросить из головы эту затею — будет по-твоему. Только Фому уже не останавливать. Он сдуру может и порезать евреев, ему это раз плюнуть. Немцы заявятся, а казнить прилюдно и некого. Думаешь, простят нам это? Да начальник полиции Калач на нас отыграется, чтобы выслужиться перед бургомистром и комендантом. Глядишь, и к стенке поставит. Или того не может быть?

Буганов свернул очередную самокрутку, ненадолго задумался, потом проговорил:

— А ты, Никола, умней, чем я думал. Чего же ты в колхозе при Советах не поднялся, а все в коровнике навоз чистил? С твоей башкой можно было и в начальство пробиться. По евреям вон какую тему замутил.

— То раньше было, нынче другое время. При Советах колосок с поля возьмешь — и в лагерь загремишь, а сейчас воля, свобода. Так чего ты по делу скажешь? А то скоро уже и райцентр.

Буганов глубоко затынулся и сказал:

— Ладно, согласный я. Но только все на тебе. Я ни при чем. Сам с Фомой все решишь, да так, чтобы евреи живы остались.

Щербатая физиономия Шмарова расплылась в довольной ухмылке.

— Не сомневайся, Евдоким Нилыч, все будет как надо. Нас еще наградят за примерную службу.

— Ты озаботься, чтобы саквояж не нашли, если повальный обыск устроят. Про него наверняка не только вы с Фомой знаете.

— Спрячу так, что ни одна собака не найдет. Я недавно сортир переставил, старая яма уже заполнилась дерьмом до отказа. Вот в нее и затолкаю саквояж. Кто в ней копать станет? Даже если и штырем тыкать будут, все равно не найдут. На самое дно затолкаю.

Буганов сплюнул и заявил:

— О таких подробностях мог бы и не говорить.

— Так я для того, чтобы ты спокоен был.

— Ценю. Но учти, делить добро позже будем так: две трети мне, одну — тебе.

— С чего так-то?

— А с того, что я начальник. Либо так, либо никак. А Фому я арестую к чертовой матери по приезде в деревню.

Шмаров подумал и кивнул.

— Лады. Пусть так.

— Все, веди лошадь к церкви. Там встанешь и ждать меня будешь.

— А разве в управу не поедем?

— Ты делай то, что тебе сказано, Никола. Вот станешь вместо меня, тогда будешь начальствовать, а сейчас исполняй приказ.

— Ладно. К церкви, так к церкви. Только неудобно там.

— Со стороны алтаря встанешь. Колодец рядом, клячу напоишь.

— Слушаюсь!

Шмаров подогнал повозку к церкви, в которой в советские времена был склад зерна. Буганов слез с телеги, навесил на плечо винтовку, пошел по улице Береговой, ведущей к реке, у крайнего подворья остановился, осмотрелся. Во дворе вроде никого.

И вдруг сзади раздался голос:

— Ты опоздал, Евдоким.

Буганов резко обернулся.

За плетнем среди кустов сарая стоял начальник полиции района, бывший директор автобазы Мирон Фадеевич Калач. Он был в штатской одежде, но из-под пиджака явно проглядывала кобура.

— Извиняйте, господин Калач, молодых лошадей забрали, остались одни клячи.

— Не продолжай. Справа калитка, заходи и шагай по тропинке в дом.

— Угу, понял, господин Калач.

Начальника полиции жители района боялись больше, нежели немцев. На его совести были сотни красноармейцев, захваченных при выходе из окружения и замученных в подвалах местной тюрьмы, коммунистов и комсомольцев, которые не успели уйти из города, членов их семей, обычных обывателей, нарушавших порядок, введенный с приходом немцев. Всем было известно, что Калач лично допрашивал офицеров Красной армии, представителей партийного и советского актива района. Он

долгое время жил рядом с этими людьми, дружил с ними, участвовал в разных мероприятиях.

Этот бывший поручик царской армии переметнулся на сторону красных и возглавил небольшой отряд в далеком Туркестане. Затем он был начальником лагеря, где отбывали сроки политзаключенные. Калач вернулся в родной Горош в тридцать седьмом году. Этот кавалер ордена Красного Знамени, партиец, был назначен директором районной автобазы.

Он умело скрывал свою истинную личину. Никто в райцентре и подумать не мог, что орденосец Мирон Фадеевич Калач с тридцать девятого года работал на немецкую разведку. Он был завербован в Москве проституткой, оказавшейся агентом абвера.

Новые хозяева оценили его работу. Когда немецкие войска оккупировали этот район, Калач, на удивление многих, был назначен начальником местной вспомогательной полиции.

Совсем скоро о его личных допросах по Горошу поползли страшные слухи. Это были отнюдь не пустые сплетни. Они вполне начали оправдываться, когда на площади перед бывшим райкомом партии на месте снесенного памятника Ленину неожиданно возникли пять виселиц. Полицаи согнали к ним всех, кого можно было. Из подвала райкома они вывели двадцать советских активистов, избитых, покалеченных. Калач собственными руками надел петли на их шеи, выбил табуреты, проходя от одной виселицы к другой.

Народ ахнул. Немцы из оккупационной администрации и командиры подразделений, приданных ей, смотрели на казнь со стороны.

Потом полицаи привели на площадь семьи казненных, тех, кого сумели захватить. Шесть женщин, двенадцать подростков, пятеро детей. Все связанные. Они опухшими от слез глазами смотрели на повешенных мужей и отцов.

Мест на виселицах не было. Калач после короткого жеста коменданта райцентра штурмбаннфюрера Фишера приказал своим полицаям поставить семьи казненных к стене райкома. Забились в истерике женщины, закричали подростки и дети, ничего не понимавшие.

Калач шел вдоль строя и стрелял из пистолета в затылок несчастным жертвам. Его «ТТ» имел магазин емкостью в восемь патронов, а расстрелять надо было двадцать три человека, так что ему пришлось дважды перезаряжать оружие. Калач делал это не спеша, аккуратно, словно не убивал женщин и детей, а занимался обычным делом на своей автобазе.

После расстрела Калач поднялся на трибуну, где находился штурмбаннфюрер Фишер. Рядом с ним стоял глава района, бургомистр Станислав Григорьевич Роденко, в недавнем прошлом директор Горошинского ремесленного училища. Когда-то он был подпрапорщиком в армии Колчака, тоже встал на сторону Советов и дослужился в РККА до командира эскадрона. Компанию им составляли офицеры рот охраны и СС, переведенной в район

из состава батальона, расквартированного в Минске. Командовал им штурмбаннфюрер Марк Хавер.

Речь о поддержании нового порядка должен был произнести бургомистр, но листок с текстом так дрожал в его руках, что комендант приказал начальнику полиции:

— Говори ты, Калач!

Он произнес речь, смысл которой, впрочем, никто из местных жителей не понял. Все они были поражены кровавой казнью, которую провел бывший директор автобазы.

А через сутки из Минска в Горош были доставлены сорок семей евреев. Их должны были разместить в гетто, но городская администрация не успела подобрать подходящую жилую зону, а посему полицаи вывезли всех в лес и расстреляли в овраге. Мирон Калач отличился и там. Он уничтожил из пулемета более двадцати несчастных евреев.

Немного позже официанты единственного в райцентре ресторана, называвшегося в довоенные времена «Парус», а теперь переименованного в «Мюнхен», рассказывали, как немцы обсуждали жестокость Калача. Даже им в диковинку было, что начальник полиции для пыток использовал гаражный инструмент. Он домкратом ломал ноги и руки, плоскогубцами крошил пальцы, вырывал ногти. Этот негодяй особенно любил пытки паяльной лампой.

Мирон Калач быстро заслужил репутацию крайне жестокого и беспощадного прислужника оккупантов и прозвище Изверг. Его изуверские методы стали известны даже генерал-комиссару Белорус-

сии Вильгельму Кубе, резиденция которого находилась в Минске.

Калач всю старался сделать карьеру. Он, как и многие предатели того времени, был абсолютно уверен в том, что СССР падет до ноября сорок первого года, и первой ступенью своей карьерной лестницы видел должность бургомистра. Сначала пусть районного центра.

Буганов прошел в приземистую хату. Внутри чисто, два стула, стол, лежанка, плотная занавеска между двумя комнатами. В двери сеней вделан крепкий замок немецкого производства. Впрочем, сейчас они были открыты.

Он присел на стул.

Следом вошел начальник полиции, устроился напротив, достал из кармана пиджака какую-то схему, расстелил ее на столе, бросил рядом пачку немецких сигарет, зажигалку.

— Угощайся, Евдоким.

— Благодарю, господин Калач, но я привык к махорке.

Начальник полиции поморщился и заявил:

— Разве можно привыкнуть к этой гадости? Конечно, и немецкое курево, между нами говоря, полная дрянь, это не советские папиросы, однако мы, представители новой власти, должны соответствовать установленному порядку. Ты давно в ресторане не был?

Этот вопрос оказался неожиданным и неуместным. Но он был задан.

— В ресторане? Это в «Парусе», что ли? — спросил Буганов.

— В ресторане «Мюнхен». Он сейчас так называется.

— Я и раньше, в советские времена, туда заходил всего пару раз, да и то в буфет. Хотя нет, был как-то и в зале. Не понравилось мне там, шумно и дорого.

— Зайди. Конечно, не прямо сейчас и не сегодня, а как выпадет свободное время. Ты будешь приятно удивлен.

— Интересно, чем именно?

— И чем, и кем, — сказал Калач и поднес зажигалку старшему полицая деревни Лоза. — Там сейчас все по-европейски, всякий сброд туда не пускают. Сейчас в ресторане можно хорошо выпить, закусить, сыграть в карты, побаловаться с девочкой, а то и не с одной, если угодно.

— Там что, и бордель?

Калач усмехнулся.

— Бордель в бывшей школе, он для солдат, а в ресторане кабинеты. Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы набрать туда молодых, хорошеньких, фигуристых и не страдающих всякими предрассудками дам.

— Из райцентра?

— Из Минска тоже привез пяток женщин, которые не прочь поразвлечь мужчин. Обязательно сходи. Один раз на этом свете живем. Раньше ты того, что увидишь в ресторане, и представить себе не мог.

Буганов кивнул.

— Слушаюсь, господин Калач! Обязательно зайду в ресторан, как только выпадет такая возможность.

— Это не приказ, который надо выполнять, а всего лишь дружеский совет. Но ладно. Хватит о пустом, перейдем к делу. Что скажешь по Годману?

— Он и его семья у нас в деревне.

Начальник полиции откинулся на спинку стула.

— Отлично! А я уже опасался, что они в лес к партизанам уйдут. Надеюсь, семейка под контролем?

— Так точно!

— Оставь, Евдоким, официальность. Мы не в управе.

— Да, семья контролируется. Она у известного в районе деятеля прежней власти, бывшего активиста колхоза имени Ильича.

— У Тимофеева?

— Да, у Кузьмы Кузьмича. Он и вывез их из Гороша.

— И как только смог? У меня здесь за дантистом двое полицейских смотрели.

— Точно не знаю, но объявились они недавно, третьего или четвертого дня, под вечер.

— Ну и ладно, узнаем, как Кузьмич смог увести евреев у нас из-под носа.

Буганов хотел сказать «у вас из-под носа», но, как и все остальные местные жители, боялся Калача, потому смолчал.

— У Годмана с собой были вещи?

— Три баула и саквояж с замком.

— Откуда такая точность?

Старший полицейай из деревни Лоза рассказал о проворности бывшего зэка.

— Ай, пройдоха, проныра! — воскликнул Калач. — Чуйка у этого грабителя работает отменно. Он уже нацелился на добро дантиста.

— Да, и моего полицейского Шмарова соблазнил на темное дело.

О том, что он сам одобрил грабеж, Буганов предпочел умолчать. Он понял, что Калач имеет свой интерес к еврейской семье. Это значит, что влезать в его дела смертельно опасно.

— И что Шмаров? — осведомился начальник районной полиции.

— Так я же начальник в Лозе, Мирон Фадеевич, и у меня на службе строго. О предложении Фомы Болотова насчет того, чтобы поживиться добром евреев, Николай сразу доложил мне. Я запретил ему иметь дело с бывшим зэком, пригрозил доложить вам, что сейчас и сделал.

— Ты правильно поступил, — сказал начальник районной полиции, достал из кармана сигарету, прикурил и пробурчал: — Ну и гадость эти немецкие сигареты!

Буганов услужливо предложил:

— Махорочки?

— Нет уж, спасибо, если травиться, то европейским табаком. Значит, Фома надумал ограбить Годмана?

— Да. Но до ночи на подворье Кузьмича он не сунется.

— Он вообще не должен туда соваться. Как вернешься, немедленно арестуешь Фому.

— А повод?

— Он тебе нужен?

— Фома не простой селянин.

— Тогда повод для ареста — мой приказ. Этого достаточно?

— Да, более чем достаточно. Одно ваше имя наводит страх на всех.

Калач довольно усмехнулся и заявил:

— Так и должно быть.

— Есть вопрос, Мирон Фадеевич.

— Давай.

— Арестую я Болотова, а дальше что?

— А дальше смотри за деревней и особенно за подворьем Тимофеева. Ты ни при каких обстоятельствах не должен упустить их. Ты меня понял? Евреев ни в коем случае не трогать! До утра смотреть за ними особенно пристально.

— А что утром?

— Увидишь.

— Понял, Мирон Фадеевич.

— Еще ко мне вопросы есть?

— Вы достали какую-то бумагу, но так и не приоткрылись к ней.

— Это уже не важно. — Начальник полиции свернул лист, положил в карман. — Повторяю: Болотова арестовать и посадить так, чтобы не сбежал, контролировать обстановку и порядок в деревне, особенно смотреть за Тимофеевым и евреями.

— Понял. Все будет исполнено, Мирон Фадеевич.

Начальник районной полиции затушил окурок и неожиданно спросил:

— Выпьешь водки?

— Это немецкого шнапса?

— Нет, еще советской, казенной.

— Предпочитаю собственный самогон, прошу извинить.

— Да за что извиняешься? Отказался и правильно сделал. Если бы ты согласился, то я бы тебя наказал. Это к тому, что до утра завтра ни капли — ни водки, ни самогона, ни коньяку, ни браги. Уяснил?

— Да я коньяк только на полке в магазине и видел.

— Я спросил, уяснил? — повысил голос начальник полиции.

— Так точно, господин Калач!

— Молодец. Свободен!

— Слушаюсь!

Буганов вышел из хаты, прошел улицей до церкви, подошел к повозке.

Полицай Шмаров спал на брезенте.

Старший взял винтовку подчиненного, ударил его прикладом по ноге.

Шмаров очнулся, схватился за голень.

— Ты чего, Евдоким Нилыч?

— Какого хрена спать улегся?

— Сморило.

— Сморило? — повысил голос старший полицейский. — А где винтовка?

— Так у тебя.

— У меня, а могла быть в руках у кого угодно. Ты совсем спятил, завалился спать в поселке, где рядом непонятно кто шастает! Вот увели бы оружие, а то и тебя пришили бы, чего тогда?

Шмаров поднялся.

— Виноват, Евдоким Нилыч, больше не буду.

— Ты дите малое или представитель власти?

— Хватит, Евдоким, я все понял. Едем на деревню?

— Да, — ответил Буганов и залез в телегу. — Там ты первым делом находишь Фому и приходишь с ним в управу.

— План составлять будем?

— Ага, план.

Буганов не хотел спугнуть Болотова, поэтому решил до времени не говорить о приказе Калача.

Полициائي направились в Лозу.

Калач пошел в районную управу.

Люди, завидев его, переходили на другую сторону, старались укрыться в проулках. Никто не хотел связываться с Извергом. Начальник полиции видел это и довольно ухмылялся. Ему удалось добиться своего. В поселке и всем районе хозяйничали не немцы, не бургомистр, этот вонючка Роденко, который заполучил должность благодаря связям, а он, Мирон Фадеевич Калач.

В управе он пробыл недолго, вскоре зашел в комендатуру, которая находилась по соседству, в здании бывшего районного военкомата. Охрана из роты обер-лейтенанта Ганса Хермана пропустила его без досмотра. Он поднялся на второй этаж, в кабинет военкома, который сейчас занимал комендант, фактический руководитель района штурмбаннфюрер Анкель Фишер.

В приемной сидела Елена Скорик, дамочка тридцати лет, бывшая продавщица продмага, а сейчас секретарша и по совместительству любовница шефа.

— Привет, Ленка! — сказал ей Калач.

Дама подняла глаза на начальника полиции и заявила:

— Для кого Ленка, а для кого Елена Владимировна.

— Чего? Это ты кому сказала, шалава, подстилка немецкая?

Женщина покраснела, на скулах у нее заиграли желваки:

— А вот сейчас пойду и скажу господину Фишеру, как вы меня, господин полицей, назвали.

Калач шагнул к столу, сдвинул печатную машинку, сбросил на пол кипы документов, навис над секретаршей.

— Оборзела, да? Возомнила себя большой начальницей? Ну так иди к своему шефу, жалуйся, вот только долго ли после этого проживешь со своим вырожденком жидовским? Переулок, где стоит твоя хата, темный, глухой. Там вас очень даже можно тихо кончить. Ну?

У Елены был шестилетний сын Толик. Когда она уходила на работу, он находился у бабки-соседки, которая за небольшой паек смотрела за ним. Отец Толика был не евреем, а грузином. Они с Еленой развелись накануне войны. Мальчику достались от него черные кучерявые волосы.

— Ты чего это, Калач? — Секретарша отшатнулась от него.

— Не «ты», шалава, а «вы», и не Калач, а Мирон Фадеевич, и не полицай, а начальник полиции. А что я? Я ничего, предупредил. Кто против меня идет, тот не жилец, поняла?

— Да. Извините, господин Калач... Мирон Фадеевич. Это от усталости, работы много.

Начальник полиции ощерился.

— Особенно в кровати, в комнате отдыха господина Фишера, так?

— Это личное.

— У себя комендант?

— Да, Мирон Фадеевич.

— Сообщи, что я пришел.

— Одну минуту. — Секретарша ломанулась в кабинет, тут же вышла обратно и сказала: — Проходите, господин Калач. Господин Фишер ждет вас.

— Он один?

— Пока да, но должен подойти гауптштурмфюрер Бонке.

— Ты и ему даешь между делом?

— Мирон Фадеевич, я не проститутка.

— А разве немцы платят таким, как ты? Ладно, не суетись, работай.

Начальник полиции зашел в кабинет коменданта.

Штурмбаннфюрер СС Анкель Фишер развалился в старом кожаном кресле за столом, сверху обшитым зеленой материей.

— Разрешите, господин комендант?

— Входи, Калач, — по-русски разрешил Фишер.

Впрочем, Калач за два года научился понимать немецкий и кое-как говорить на нем. Он заранее готовился к приходу гитлеровцев.

Начальник полиции встал у стола.

Штурмбаннфюрер посмотрел на него.

— Не узнаю тебя, Мирон. Тебе отдельное приглашение присесть требуется?

— Нет, господин Фишер, извините. — Калач сел на стул через стол от коменданта. — Я по еврею Годману.

Штурмбаннфюрер оживился.

— Слушаю.

— Нашелся дантист в деревне Лоза. Это по дороге...

Комендант перебил его:

— Я знаю, где находится эта деревня, тем более что там тоже будет проводиться операция, речь о которой еще впереди. Говори о дантисте.

Калач в общих чертах знал, что немцы собираются провести в районе какую-то акцию. Впрочем, это не касалось Годмана. По тому персонажу как раз все было понятно.

— Да, конечно. Я недавно встречался со старшим полицейским из Лозы, он сообщил, где скры-

вается семья Годмана. Ее привез из поселка некий Кузьма Тимофеев, бывший управляющий отделением колхоза «Заветы Ильича», и укрыл на своем подворье. Примечательно, что Фома Болотов, местный житель, вернувшийся из мест лишения свободы, видел, как евреи заезжали на подворье Тимофеева.

Штурмбаннфюрер прикурил сигарету и заявил:

— Ближе к делу, Мирон.

— Так вот, этот Фома видел три баула с вещами, а у дантиста был при себе саквояж.

— Как смог этот Тимофеев вывезти из поселка интересующую нас личность да еще вместе с семьей?

— Не знаю. Наверное, он спрятал евреев каким-нибудь хламом в телеге.

— Мужчину, женщину, подростка и двух девок, уже далеко не грудных?

— В этом нет ничего удивительного. Местные умудрялись и по две еврейских семьи вывозить в деревни.

— Ладно. Надеюсь, ты обыскал квартиру Годмана?

— Не вижу в этом необходимости, господин штурмбаннфюрер. Евреи уезжали, совсем не имея намерений возвращаться. Значит, все ценное у них с собой.

— Это непорядок, Мирон. Приказываю ночью обыскать квартиру, а также места проживания тех людей, которые когда-либо тесно общались с Годманом.

— Слушаюсь, господин штурмбаннфюрер! Но смею заметить, что таких лиц в городе нет. Мне хорошо известно, что семья Годмана вела крайне замкнутый образ жизни. Ни у Иосифа, ни у его жены Сары не было ни друзей, ни подруг. Жили по принципу «мой дом — моя крепость» и все свое добро всегда держали при себе.

— Но квартиру этого паршивого еврея обязательно обыщи.

— Слушаюсь, господин штурмбаннфюрер!

— Займись этим лично, не привлекая подчиненных и вообще ненужного внимания. Скорее всего, ты действительно ничего там не найдешь, но обыск провести надо. Евреи — очень хитрый народ. Они могли оставить в тайнике что-то ценное, договориться с кем-нибудь, чтобы этот человек потом привез добро в то место, где осядет семья. К сожалению, слишком много русских, белорусов, украинцев помогают этим отбросам рода человеческого.

— Я все понял, господин штурмбаннфюрер.

— Займись этим немедленно! В восемнадцать часов доложишь о результатах обыска и примешь участие в совещании. Тогда и узнаешь подробности предстоящей операции. — Фишер усмехнулся и добавил: — Уверен, тебе это понравится.

— Да, господин штурмбаннфюрер.

— Не смею задерживать.

Начальник полиции вышел из кабинета, зыркнул черными глазами на секретаршу:

— Смотри у меня тут, шлюха! — прорычал он и покинул комендатуру.

У входа Калач встретился с гауптштурмфюрером Бонке, командиром роты СС, переброшенной сюда из Минска. Цель этой переброски никому, кроме, естественно, коменданта поселка, известна не была. Вроде и незачем держать в Гороше шестьдесят девять эсэсовцев, шесть мотоциклов с коляской, вооруженных пулеметами «МГ-34», и семь бронетранспортеров с аналогичным оружием. Но рота СС в райцентре стояла. Это была данность, обсуждать которую не имело смысла.

— Добрый день, господин гауптштурмфюрер! — поприветствовал командира роты начальник полиции.

— Добрый, господин Калач. Вы от коменданта?

— Да. Надо было решить пару вопросов.

— Это ваше дело. Кто у него еще?

— Никого. Только секретарша.

— Очаровательная фрау Хелен?

— Вы считаете ее очаровательной? — с усмешкой осведомился Калач.

— А вы нет? Тогда у вас плохой вкус. Но не будем терять время. Всего хорошего, герр Калач.

— И вам того же, герр гауптштурмфюрер.

Командир роты поднялся к Фишеру и учтиво поцеловал руку секретарше, от чего та зарделась. Эта женщина ему нравилась. Он видел, что она с превеликой радостью оказалась бы с ним в постели. Но Фишер держал ее крепко.

— Рада вас видеть, господин Бонке.

— А я как рад. Может быть, как-нибудь сходим в ресторан, фрау Хелен?

Женщина вздохнула.

— Я бы с удовольствием, но что скажет об этом господин штурмбаннфюрер?

— Понимаю, у вас отношения. Жаль.

— Мне тоже.

Гауптштурмфюрер вздохнул и проговорил:

— Время изменчиво. Сегодня одно, завтра — другое. Возможно, мы с вами... — Он приложил тонкий палец к губам. — Но об этом не сейчас.

Женщина закивала.

— Конечно, Вилли. Я могу вас так называть?

— В неформальной обстановке.

— Само собой.

Бонке вошел в кабинет коменданта.

— Хайль!

Штурмбаннфюрер ответил:

— Хайль! Вилли, проходи, садись. Уточним план операции «Листопад».

— Я готов.

Они склонились над картой.

Говорил в основном комендант, командир роты СС иногда вставлял реплики, задавал уточняющие вопросы.

Офицеры закурили, и штурмбаннфюрер нажал кнопку вызова секретарши.

Та вошла тут же.

— Да, господин Фишер?

— Сделай, Хелен, нам с гауптштурмфюрером по чашке кофе из запасов, что присланы мне из Африки.

— Слушаюсь! Что-нибудь к кофе?

— Что-нибудь есть у меня, только кофе.

— Да, господин Фишер.

Приготовление благоухающего напитка не заняло много времени. Вскоре Елена внесла в кабинет поднос с двумя крохотными чашками, и дивный аромат заполнил все помещение.

— Марокканский кофе, — сказал Фишер. — Лучший в мире.

Гауптштурмфюрер улыбнулся и заявил:

— По-моему, все лучшее производится в Германии.

— Да, но не кофе и не коньяк. Я хочу предложить тебе французского коньяка к кофе.

— Не откажусь.

Гитлеровцы выпили по пятьдесят граммов коньяка и по чашке кофе.

После этого Бонке спросил:

— Вы уверены, Анкель, что предстоящая операция вызовет нужную нам реакцию партизан?

— Абсолютно, иначе не представлял бы ее на утверждение в Минск. Там операцию одобрил сам генерал-комиссар Кубе.

— Это мне известно. Что ж, будем надеяться, что все пройдет по нашему сценарию и мы избавимся от партизанской заразы в районе хотя бы на время.

— Мы избавимся от этой заразы навсегда. В границах района нашей ответственности, естественно. Как только германские войска возьмут Москву и пойдут дальше к Уралу, сопротивление на местах потеряет всякий смысл.

Командир роты СС заметил:

— Русские непредсказуемы, Анкель. Когда-то Наполеон разгромил армию Кутузова, занял Москву, разграбил и сжег ее. Потом он пошел обратно, и что в итоге? Его войска попали под удары партизан, что и погубило их.

— Наполеона погубило другое. Ему следовало не гулять в Москве, а преследовать армию Кутузова. Надо было отходить на запад другими дорогами или перезимовать в Москве, но что теперь об этом говорить? Фюрер не Наполеон, он знает, как воевать против России, доказательством чему являются успехи нашей армии, за короткое время оккупировавшей огромные территории. Кстати, сегодня пришло сообщение о взятии Киева.

— Я слышал. Это, конечно, очень хорошо. Фюрер, несомненно, гений. Однако нигде в Европе мы не сталкивались с таким ожесточенным сопротивлением, как в России. Интуиция мне подсказывает, что под Москвой дело сложится не так, как в других местах. Сталин будет держать оборону до последнего солдата.

— Значит, он и станет этим последним солдатом.

— Посмотрим. Я уважаю ваш оптимизм, но у нас есть свой район и предстоящая операция. Я бы пока сосредоточился на ней.

— В восемнадцать тридцать начнется совещание, Вилли. Прошу не опаздывать.

— Вот черт, Анкель! Как не вовремя. Я хотел посетить «Мюнхен». Там объявилась хорошенькая молодая украинка.

— Ты успеешь к своей украинке. Хотя ради такого развлечения тебе придется пожертвовать сном.

— Это не проблема, Анкель. Я могу идти?

— Да, конечно.

В приемной Бонке улыбнулся секретарше.

— До свидания, Хелен.

— До свидания, Вилли.

Гауптштурмфюрер в отличном настроении прошел в расположение роты, которое находилось в сборном распределительном пункте бывшего военкомата.

В два часа пополудни повозка с полицаями из Лозы въехала в село Ясино.

— Заезжать к нашим будем? — спросил Шмаров.

— А что у них делать? У всех свои дела.

— А в селе, смотри, народ работает.

— Тут людей много, да и главную усадьбу колхоза немцы не тронули. Оставили все, как было, только расстреляли председателя да парторга. Виктор Вешин, агроном прежний, в партизаны, говорят, подался.

— Черт бы побрал этих партизан. И чего мужикам в селах и в деревнях не сиделось. Работали бы как прежде, жили нормально. Немцы только партийцев, активистов, евреев да цыган стреляют, остальных не трогают. Нет, надо в лес, чтобы гадить новой власти.

— Немцы им разгуляться не дадут. Отловят всех и перевешают.

— Угу, только как бы эти партизаны к нам в деревню не заявили. Тогда, Евдоким Нилыч, болтаться на виселице нам придется.

— Сплюнь, идиот! Еще накличешь беду. Но у нас-то им вроде делать нечего. Из деревни в партизаны немногие подались, шесть человек. Мы их всех знаем.

— Они наверняка заходят к родным. Жрать-то надо.

— Пусть заходят. Они нас не трогают, мы их не замечаем. В нашем положении надо вести себя аккуратно.

За селом Шмаров повернулся к Буганову и спросил:

— А как тряханем еврея-дантиста, немцы не придут разбираться с нами?

— Кто их знает.

— Слушай, Евдоким Нилыч, а может, нам с добром евреев свалить из района?

— Куда?

— Да в тот же Минск. У Фомы наверняка есть там дружки. Новые документы справим, устроимся в артель какую-нибудь. Потом свою откроем. Туда уж точно партизаны не сунутся.

— Партизаны не сунутся, а немцы найдут.

— Но и на деревне оставаться опасно.

— Ты правь лошадью, а то налетим на валун, отлетит колесо. Что делать-то будем?

— Я правлю.

— И помолчи. Сначала дело сделать надо, потом посмотрим.

— Лады.

В деревне Шмаров передал повозку пацаненку, крутившемуся у управы. Это было здание бывшего сельсовета, где ранее размещались управляющий отделением колхоза и парторг, имелся кабинет участкового милиционера. Теперь тут сидели староста с помощником, писарь и полицаи. Из помещения участкового они сделали небольшую тюрьму на две камеры.

— Ступай за Фомой. Я буду в кабинете, — сказал Буганов Шмарову.

Тот усмехнулся и заявил:

— Нашел тоже кабинет. Так, каморка.

— Какой ни есть, а кабинет. Зубы мне не заговаривай, ступай за Фомой, но до того пройди к соседу Кузьмича, проведай, все ли у Тимофеева в порядке. Я имею в виду евреев. Не приведи бог они уехали. Тогда с нас Калач головы вмиг поснимает.

— Нет, не уехали. Не дали бы Фома и Иваныч, который глядит за подворьем Кузьмича. Да и куда им ехать?

— В лес. Но ладно брехать, пошел!

— Ты бы повежливей, Евдоким Нилыч. Я же тебе не батрак. Тоже на должности.

— Ладно, извини.

Шмаров ушел.

Буганов отправился в контору.

Дверь, ведущая в кабинет старосты, была открыта. Василий Акимович Косарев сидел за столом, морщил лоб, что-то писал и постоянно протирал перо ручки.

- Старший полицейский зашел к нему.
- Приветствую, Василь!
 - Это ты, Евдоким. Как съездил в район?
 - Как обычно. Ничего хорошего, когда вызывает начальство, ожидать не приходится.
 - Это да, особенно если начальник такой, как Мирон Калач, редкой жестокости человек. А ведь раньше порядочным был, другим.
 - Все мы раньше другими были. Вот ты кем числился? Агентом по снабжению, мотался по району по указу Кузьмича, а сейчас? Староста. Самый большой начальник в деревне. У тебя и помощник, и писарь. Кстати, где он?
 - Отправился в город к родне.
 - То-то гляжу, сам чего-то пишешь. Докладную, что ли?
 - Отчет, черт бы его побрал. Немцы строгий порядок ввели, вот и отчитывайся, куда ведро с пожарного щита делось. Спер его кто-то. Обычное дело, а целую бумагу писать надо. Что ухмыляешься? Тебе тоже придется отчитываться. Ведро само собой исчезнуть не могло, значит, стащили его, а это уже по твоей должности дело. Кража, понимаешь?
 - Да ну ее к черту, эту кражу. Я свое ведро лучше повешу на этот никому не нужный пожарный щит. Косарев отложил ручку.
 - Свое, говоришь? Тогда другое дело. Ведро на месте, чего писать-то? Только ты повесь уж его, Евдоким.
 - Сказал, сделаю.
 - Чего в Гороше делается?

— Живет новой жизнью районный центр. Ресторан «Парус» переименовали в «Мюнхен». Есть такой город в Германии. При нем бордель организован и игровой зал.

Косарев вздохнул и заявил:

— Немцы для себя и не то сделают!

— Не только для себя. Ресторан могут посещать работники администрации, управы, полицейского управления. Так что можешь съездить, развлечься, если захочешь.

— Ага! И половину зарплаты там за вечер оставить.

Буганов рассмеялся и заявил:

— Ты на деньги всегда жадный был. Конечно, проще самогону выпить, жене в морду дать да на сеновал с толстозадой Дунькой завалиться. При этом никаких трат.

— Дунька мне племянница. Приютил сироту, потому как бросить не мог.

— Ага, особенно когда увидел ее задницу. Ты мне-то не брещи. Я все же начальник полиции здесь, знаю, как ты опекаешь бедную сиротку, которая спит и видит себя на месте Галины, жены твоей.

— Слушай, Евдоким, я в твою личную жизнь не лезу, вот и ты в мою не лезь.

— Ладно, Василь, проехали. Мы же теперь как близнецы. Друг без друга никуда. И править на деревне вместе будем, и отвечать за дела свои.

— Это перед кем же?

— Да перед всеми. И перед немцами, и перед партизанами.

— Тыфу на тебя, Евдоким. Какие партизаны? В районной газете новой пишут, что скоро немцы уничтожат всех лесных бандитов. А перед ними ответим, если в чем провинимся. Перед немцами не страшно.

— Ну а как насчет Калача?

— А что Калач? Над ним бургомистр. А с ним у меня отношения хорошие, приятельские.

— Да Роденко боится Калача больше чем гестапо.

— Хватит! Тебе заняться нечем? Неси ведро и вешай на щит.

— Ты не волнуйся, все, что надо, сделаю.

Пришли Шмаров с Болотовым.

— Что тебе надо, Евдоким? — спросил бывший зэк.

— Узнаешь. Посиди пока в кабинете. А ты, Николай, иди за мной на улицу.

Полицаи вышли.

Там Буганов убедился в том, что никто их не слышит, и спросил:

— Что по Тимофееву и евреям?

— Нормально все. На месте. Во двор выходят только по нужде. Иваныч сказал, долго так евреи не просидят. Они наверняка задумали куда-то дальше свалить.

— Главное, чтобы до утра не свалили.

— А чего утром будет?

— О том я и хотел поговорить с тобой, но после Фомы. Идем.

Буганов со Шмаровым вернулись в контору.

Из коридора старший полицейский позвал бывшего зэка:

— Фома, поди сюда.

— Чего еще?

— Поди, надо.

Болотов вразвалку вышел в коридор.

— И что?

— Иди за мной!

Они прошли в торец коридора. Двери камер тюрьмы держались открытыми, когда в них не было сидельцев за мелкие нарушения.

Одну из них и открыл старший полицейский.

— Заходи, тут поговорим. Так безопасней будет.

Болотов зашел в камеру, услышал, как за ним захлопнулась дверь и заскрипел замок, повернулся и закричал:

— Ты чего, Евдоким? Охренел? Какого черта?

— Ты, Фома, извиняй, — ответил Буганов. — Я не по своей воле тебя закрыл. Таков приказ начальника районной полиции. А уж что за претензии у него к тебе, с ним и выяснишь. И не кричи, а то воду с хлоркой в камеру пушу. — Буганов повернулся к Шмарову, остолбеневшему от неожиданности. — А теперь пойдём поговорим. Ты все поймешь.

Полицаи направились на улицу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

За полчаса до начала совещания к коменданту явился начальник районной полиции Мирон Калач. Секретарша пропустила его без вопросов. Калач зашел в кабинет и доложил о прибытии.

Комендант указал ему на стул.

— Садись, Мирон, у нас не так много времени на разговор. В восемнадцать тридцать здесь соберутся бургомистр, командиры рот охраны и СС.

Я не хочу обозначать задачу полиции в предстоящей операции «Листопад» при них, поставлю тебе ее сейчас. Ты внимательно выслушай и не перебивай. Все вопросы потом. Завтра с рассветом, в шесть пятнадцать, ты со своими полицейскими на грузовой машине выдвигаешься в деревню Лоза.

Калач кивнул, а штурмбаннфюрер продолжил:

— Двинешься следом за взводом роты СС, который пойдет в село Ясино. Дальше с тобой поедет бронетранспортер командира роты. Возможно, он возьмет и мотоцикл с экипажем. Первое и главное, что тебе и ротному с твоими подчиненными следует сделать, ты знаешь. Это еврейский вопрос. И не смотри на меня так. Бонке в курсе нашего общего дела. Ну теперь второе. — Штурмбаннфюрер поднялся, прошелся по кабинету и продолжил постановку задачи.

Калач услышал нечто такое, от чего даже у него, совершенно безжалостного палача, приоткрылся рот.

— Да, Мирон, именно это, — заявил комендант. — Не спрашивай меня ни о чем. Ты доставишь евреев сюда, поселишь в доме на улице Береговой, под охраной верных людей. Надеюсь, ты уже обзавелся такими?

Калач быстро пришел в себя и ответил:

— Так точно, герр штурмбаннфюрер! У меня в штате десять человек. Все они ненавидят Советы, их власть. У них к ней счеты. Они намерены устроить свою жизнь в новой России, освобожденной от большевиков. — Калач зловеще усмехнулся и продолжил: — К тому же все они повязаны кровью и если попадут в руки НКВД, то их ждет страшная смерть. Посему они будут убивать сами, чтобы не стать жертвой.

— Ты долго говорил, Мирон, но сказал хорошо. Значит, евреев поселишь в этом доме. С дантистом будешь работать лично и сам разберешься со всей семьей, когда они будут больше не нужны. Это понятно?

— Понятно, герр штурмбаннфюрер.

— Тебе требуется время для подготовки акции в Лозе?

Обычно на подобные вопросы каратель отвечал «нет», но сейчас подумал и сказал:

— Пожалуй, да. Мне надо переговорить с подчиненными.

— Хорошо. Говори после совещания. Вопросы ко мне есть?

— Да, господин штурмбаннфюрер.

— Спрашивай. — Комендант присел в кресло, взял в руки остро заточенный карандаш.

— У меня два вопроса, герр комендант.

— Пожалуйста, слушаю.

— Вы сказали, что с моей командой в деревню Лоза поедет командир роты СС.

— Да, и что?

— Извините, зачем?

— Во-первых, гауптштурмфюрер Бонке поедет на бронетранспортере, на котором установлен пулемет «МГ-34». Во-вторых, с ним будут четыре солдата роты с автоматами. Твои же полицейские вооружены винтовками. Согласись, поддержка пулемета и автоматов лишней при решении поставленной задачи не будет. К тому же, что скрывать, гауптштурмфюрер проконтролирует работу твоей команды. Что еще?

— Недалеко от того дома на Береговой проживает мой осведомитель Рогоза. Можно его привлечь к охране.

— Спятил? Твои охранники станут лишними, а ты еще осведомителя хочешь посвятить в наши дела! Никакого Рогозы, понял?

— Так точно!

— Гут. Тогда перекури у комендатуры. В восемнадцать тридцать быть на совещании!

— Слушаюсь!

В половине седьмого 19 сентября 1941 года в кабинете Фишера собрались бургомистр района, глава управы Роденко, командиры рот гауптштурмфюрер Вилли Бонке и обер-лейтенант Ганс Херман и начальник районной полиции Мирон Калач. Помощник коменданта в звании шарфюрера вывесил на стенд карту района, прицепил на крюк указку, принес стулья.

Участники совещания разместились в кабинете, и штурмбаннфюрер Фишер начал постановку задачи по операции «Листопад»:

— Командиру роты СС гауптштурмфюреру Бонке завтра с рассветом отправить один взвод в село Ясино, два других — в деревни Карчеха и Павлинка. Порядок движения гауптштурмфюрер определит сам. — После этого штурмбаннфюрер довел до Бонке задачи взводов.

Тот выслушал его и спросил:

— А где мое место, герр штурмбаннфюрер?

— Я скажу об этом позже. Как и о действиях в деревне Лоза.

Определив задачу роте СС, Фишер повернулся к командиру охранной роты и проговорил:

— Вам, обер-лейтенант, завтра с утра усилить посты на всех важных объектах и выделить патруль не менее взвода на железнодорожную станцию. Последующую задачу получите после завершения операции в районе. У вас вопросы есть?

— Нет, господин штурмбаннфюрер.

Фишер взглянул на бургомистра.

— Вам, господин Роденко, обеспечить обычный режим работы управы, но быть в готовности привлечь сотрудников для охраны здания.

— Но ее охраняет подразделение господина Хермана.

— Вы плохо поняли меня?

— Я понял вас.

— Сейчас всем готовиться. Командиру роты СС и начальнику полиции остаться, остальные свободны.

Бургомистр и командир охранной роты вышли из кабинета.

— И зачем меня вызывали? — проговорил Роденко. — Обеспечивать работу управы — моя прямая обязанность. Как думаете, герр обер-лейтенант?

Херман прикурил сигарету и спросил:

— Это вы у меня желаете узнать? Мне своих дел хватает.

Он сразу же за выходом из штаба повернул к казарме своей роты.

Роденко пошел в управу, так и не поняв, для чего, собственно, его вызывали на совещание. Он настолько задумался, что пришел в себя только у дверей управы, возле которых стоял солдат из роты охраны.

— Черт, все уже разошлись.

Он кивнул солдату и направился к себе, благо жил в доме напротив. До войны его занимала семья директора школы, еврея. Она была расстреляна в первый же день оккупации.

Фишер вызвал в кабинет секретаршу.

— Хелен, принеси то, что я заказывал.

— Да, герр комендант.

Елена Скорик внесла на подносе бутылку коньяка, три стопки, тарелку с порезанным лимоном в сахаре, выставила все на стол и удалилась.

Комендант поднял бутылку.

— Хороший коньяк, французский. У нас сегодня есть серьезный повод выпить, господа. В ночь на девятнадцатое сентября потрепанные советские войска без боя оставили Киев. Советская Украина

теперь наша. Еще немного, и наша армия пройдет парадом победы по Красной площади. Интересно, что прикажет сделать с мавзолеем Ленина фюрер?

— Он велит снести его к чертовой матери и сбить звезды с башен, — сказал Калач.

Бонке усмехнулся и проговорил:

— Делить шкуру неубитого медведя — плохая привычка. — Он повернулся к начальнику полиции и осведомился: — Я правильно сказал?

— Насчет поговорки? Да. Но медведь уже смертельно ранен. По его кровавым следам идут охотники. Он еще представляет большую опасность, но в любом случае обречен.

— Выпьем, господа. — Фишер разлил по пятьдесят граммов коньяка.

Калач покачал головой.

Это не осталось без внимания командира роты СС.

— Что, господин Калач, не привыкли еще пить как цивилизованные люди? Вам подавай стакан, а то и кружку спирта или крепкого самогона?

Начальник полиции не остался в долгу.

— Я, герр гауптштурмфюрер, могу и кружечку сивухи выпить, и наперсток коньяка, и рюмочку шнапса. Попробуйте это сделать. Сумеете одолеть стакан самогона? Получится у вас?

— Фу, Мирон, не говорите об этой гадости.

«Не знаю, что является гадостью по сравнению с нашим самогоном — старый французский коньяк, отдающий клопами, или дерьмовый шнапс, от которого ни в голове, ни в душе», — подумал Калач, но, естественно, промолчал.

Все выпили, поговорили о силе германского оружия и личных перспективах.

Потом штурмбаннфюрера понесло.

— Вот, господа, очистим район от партизан и пойдем на повышение, — заявил он и похлопал Калача по плечу. — Тебя, Мирон, я возьму с собой. Ты уже заслужил честь стать офицером элитных войск СС. Я добьюсь твоего назначения в зондеркоманду оберштурмбаннфюрера Винтера. Зачем тебе должность бургомистра этого района? Здесь можно навсегда остаться, а в СС большие возможности.

Калач не спорил. В зондеркоманду, так в зондеркоманду, но на время, а потом в район. Кто такой офицер СС? Отправят служить в войска и будешь бегать, как молодой. Быть унтерштурмфюрером — это звание соответствует армейскому лейтенанту — в сорок семь лет не только не солидно, но и позорно. Другое дело — бургомистр, а лучше заодно и начальник полиции. Это Роденко не понимает, кем стал, а Калач знает, чего хочет. После третьей рюмки комендант вдруг сказал:

— Я не обозначил на совещании истинную цель операции «Листопад». Это, господа, не просто карательные мероприятия, проводимые в населенных пунктах. Сейчас я уже могу сказать вам, что речь идет о провокации, в результате которой партизаны должны выйти из леса и атаковать районный центр. Наша главная цель — выманить и уничтожить бандитов. Посему сразу же по окончании операции в населенных пунктах общее командование

всеми имеющимися у нас силами я возлагаю на вас, Вилли. — Комендант взглянул на командира роты СС. — Именно вам предстоит организовать оборону поселка Горош с последующим уничтожением партизанского отряда, который, по данным разведки штаба армии, сейчас размещается в Осиповском лесу. Это в десяти километрах на юг от деревни Карчеха. Он насчитывает до ста человек, но только треть из них вооружена винтовками и карабинами. Некоторые партизаны имеют охотничьи ружья. У них есть один пулемет Дегтярева и пистолеты «ТТ», вывезенные из отдела милиции. Отрядом этим руководит бывший второй секретарь райкома Осетров.

Слегка захмелевший гауптштурмфюрер Бонке проговорил, перебив коменданта:

— Да плевать, кто руководит этим отрядом бандитов. Я не понимаю, для чего проводить какие-то мероприятия в населенных пунктах и выманывать из леса бандитов, если имеются разведанные по ним. Мы могли бы навести на них авиацию или зачистить лес своими силами. Это проще, чем устраивать целое представление.

— Вы же военный человек, гауптштурмфюрер. Почему перебиваете старшего по званию?

— Извините, господин Фишер, но я действительно не понимаю, для чего это представление. С евреями ясно, но я бы мог взять их тихо.

— Сколько вам лет, Вилли? — вдруг спросил комендант.

— Двадцать восемь, а что?

— А сколько командиру зондеркоманды оберштурмбаннфюреру Винтеру?

— Где-то около тридцати.

— Ему тоже двадцать восемь. Но вы на должности капитана, если брать по армейским званиям, а Кевин Винтер — на полковничьей. Я уверен, что скоро он станет штандартенфюрером, а вы повышения не получите. Знаете почему?

— Почему?

— Потому что оберштурмбаннфюрер СС Винтер знает ответ на вопрос о том, для чего нужны мероприятия в населенных пунктах и выманивание партизан, а вы нет. Но ничего, у вас все впереди. Да, и еще. Контролируя действия команды Мирона Калача, вы должны обеспечить съемку мероприятий на кинокамеру и фотоаппарат. Оператор в подразделении?

— А где ж ему быть?

— Вот его надо подготовить особенно тщательно, чтобы заснял все важные моменты. Они потом уйдут в газеты, в том числе и в германские.

— Вот как? — удивился Бонке. — Похоже, я действительно не могу понять всего масштаба планируемых акций. Оператор будет готов.

— Он сделал фотографии общения ваших солдат с мирным населением района?

— Да. Вышло очень забавно. Солдат СС гладит по головке мальчика в немецкой армейской пилотке. Взводный Курц сидит среди семьи, довольной новой властью, принесшей свободу. С десятков снимков наших парней с русскими девушками, в

основном, конечно, из борделя «Мюнхена», но выглядят они весьма мило.

— Эти фото завтра должны быть у меня. Вместе со снимками из деревни Лоза.

— Никак вы подставить меня хотите, господа хорошие, с этими фотографиями, — пробурчал Калач.

— Ну что ты, Мирон, — воскликнул Фишер. — После твоих подвигов с евреями, советскими активистами и членами их семей подставить тебя просто невозможно. Сейчас ты известен только здесь, в этом районе. Публикация снимков прославит тебя в Германии. Это благотворно повлияет на твое продвижение по карьерной лестнице.

— Вы правы, хуже мне уже не будет. Пусть ваш оператор подскажет, когда снимать начнет. Я ему устрою сцены!..

— Правильно, Мирон, — сказал Фишер. — Но, господа, пора на отдых. Завтра у нас непростой день. Хайль Гитлер! — Он выбросил вперед руку.

— Хайль! — ответили ээсовец и полицай.

В шесть утра рота СС и карательная команда полиции выехали из райцентра. Первый взвод с двумя экипажами мотоциклов разведотделения оберштурмфюрера Гофрида Курца двинулся к селу Ясино, до которого было пять километров. Гауптштурмфюрер Бонке на бронетранспортере и полицай Калача в грузовике следовали за ним. В направлении деревень Карчеха и Павлинка пошли взводы унтерштурмфюреров Людвиг Ромберга и

Мартина Эбеля, рядом с которым находился заместитель командира роты. Им надо было пройти около тридцати километров восточной дорогой, тянущейся рядом с лесным массивом. В каждом взводе было по два бронетранспортера и мотоцикла с экипажами.

Погода выдалась хорошая, теплая, безветренная. Дороги были сухие, поэтому каратели продвигались быстро.

В то же время вся охранная рота несла службу у административных и прочих важных объектов поселка. Один взвод ушел к железнодорожному вокзалу.

Первым на место, естественно, прибыл взвод оберштурмфюрера Курца. Эсэсовцы высадились из бронетранспортеров «Ханомаг-251» и зашли в Ясино. Боевые машины встали с юга и севера, контролировали окрестности. В центр к разрушенной церкви проехали мотоциклы.

Староста Тарас Гуско подошел к Курцу.

— Хайль Гитлер, господин оберштурмфюрер!

— Хайль, староста! — ответил тот по-русски.

Язык будущего противника он изучал еще до начала войны.

— Приказываю обойти все дома и передать людям распоряжение выйти сюда, к церкви. Всем, господин Гуско! Я не ошибся в фамилии?

— Никак нет, господин оберштурмфюрер. — Староста повернулся к полицейам. — Ну и чего стоим? Слышали приказ офицера? Бегом оповещать народ. И чтобы пришли все.

— Даже матери с младенцами?